Серия История – это интересно!

ЛЕОНИД БЕЖИН

АЛЕКСАНДР I – СТАРЕЦ ФЕДОР КУЗЬМИЧ

ДРАМА И СУДЬБА

Леонид Евгеньевич Бежин

Александр I – старец Федор Кузьмич: Драма и судьба. Записки сентиментального созерцателя

Серия «История – это интересно!»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48900819
Л. Е. Бежин. Александр I – старец Федор Кузьмич: Драма и судьба. Записки сентиментального созерцателя: ООО «Издательство «Этерна»; Москва; 2020
ISBN 978-5-480-00407-6

Аннотация

В этой книге автор пытается разгадать одну из самых таинственных, влекущих и завораживающих загадок русской истории – загадку смерти императора Александра I.

Содержание

Введение 5
Серенький денек, царские похороны и политическая злободневность (вольные размышления) 5
Парадоксы истории, а заодно и литературы 7
Взглянуть на себя умершего 9
Комедия с подставным лицом 11
Неразгаданный сфинкс 15
Шишка под носом у алжирского дея 19
Драма и судьба 23
Часть первая 24
Глава первая. Уход и самозванство 24
Глава вторая. Имена 35
Глава третья. Вензель 44
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Леонид Бежин
Александр I – старец Федор Кузьмич: Драма и судьба. Записки сентиментального созерцателя

© Бежин Л. Е., 2020
© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2020

* * *

Введение

Серенький денек, царские похороны и политическая злободневность (вольные размышления)

На моем настольном календаре 21 марта 2019 года. Пора браться за книгу – книгу из эпохи Александра… Александра Македонского, Александра Невского? Нет, Александра I Благословенного, хотя и те два Александра в повествовании тоже неким образом присутствуют. Словом, книга историческая, написанная давно, затем дополненная, теперь же ее надо обновить, кое-что добавить по части истории, последних изысканий, находок, проведенных сопоставлений, сличений и экспертиз.

Начать же хочется с вольных размышлений, относящихся и к истории, и к сегодняшним дням, поскольку многое из переживаемого нами заложено – предопределено – еще в эпоху Александра I.

За окном серенький, мглистый денек, какие испокон веков бывали и бывают в Москве на исходе зимы. Снег осел, почернел, истаял до ноздреватой корки. Небо – с редкими просветами в облаках, не до голубизны, а до истончившейся

бледно-лиловой дымки, слегка подсвеченной изнутри, словно абажур настольной лампы.

Весной еще почти и не пахнет, а так… едва припахивает, дразнит ноздри, почти неразличимо потягивает. Весной – и будущей счастливой жизнью, которая конечно же наступит (кто бы сомневался), но все еще – экая каверза – никак не наступает…

Вот и новостные ленты пестрят событиями, но уж простите: пестрота эта хуже воровства. Впрочем, и воровства самого по себе хватает, как и в эпоху Александра… Македонского, Невского, Благословенного? И того, и другого, и третьего. Даже с избытком его у нас, воровства-то: воруй – не хочу. Во всяком случае, на сегодняшний день, на это самое 21 марта. Как проницательно заметил один мой знакомый, чья белая борода и седины придают ему сходство с сибирским старцем Феодором Козьмичом, «сажают у нас не за то, что украл, а за то, что попался». Золотые слова!

Я позволил себе сказать о злободневном, хотя моя книга, казалось бы, совсем о другом – об императоре и старце Феодоре Козьмиче. Вернее, об императоре-старце… И позволил это ради одной важной, наталкивающей на многие выводы мысли.

Парадоксы истории, а заодно и литературы

Все, о чем мечтал император Александр I, сбылось: есть у нас и конституция, и парламент, и всяческие свободы. Заседают депутаты, выступают ораторы, нажатием кнопки для голосования (не руку же тянуть) принимаются законы. Президент зачитывает ежегодное послание в Георгиевском зале Кремля перед представителями всех сословий. Стучат ножи и вилки в думском буфете. Журчит вода и благоухают дезодоранты в правительственных унитазах и проч., проч.

Но вот стало ли от этого лучше? Во всяком случае, честным людям. Вопрос из разряда риторических. Зло не уничтожено, как ни старался извести его Александр I со всей своей рыцарственностью, явно унаследованной от отца, императора Павла (хулимого и оболганного враждебными ему слухами и наветами – иными словами, тогдашней пропагандой).

Если бы Александр I обладал даром предвидения и мог заглянуть в будущее, он поразился бы тем кровавым драмам, жестоким ломкам и причудливым метаморфозам, которые ожидали Россию. Занесенный над ним «цареубийственный кинжал» опустился на головы его потомков – Александра II, погибшего от рук бомбометателей 1 марта 1881 года, и Николая II, казненного большевиками в 1918-м.

Таким образом, зла в России меньше не стало, как и глупости, и мечтательной маниловщины, и пустой болтовни. Народ русский не столько «засек свою свободу», как писала Зинаида Гиппиус, сколько эту свободу разменяли на пустые словопрения, на вечную русскую говорильню сами «освободители».

Взглянуть на себя умершего

Впрочем, обо всем этом можно было бы и не говорить. Можно, если бы не 21 марта на перекидном листке календаря, если бы сказанное не соотносилось неким образом с этой датой, едва различимой отметиной – риской – на хронологической оси. Без этой риски нам никак не обойтись.

Обычно пишущие ставят дату в конце, по завершении своего труда, но я поставил ее в начале. Поставил отчасти для того, чтобы эта дата наводила на мысль, что легенде об императоре Александре I и старце Федоре Кузьмиче без малого двести лет, если вести отсчет с 1825 года – года мнимой смерти императора. Ведь уже тогда, и особенно в следующем, 1826 году, стали возникать и распространяться слухи, будто он не умер, хотя придворные чины и замышляли его убить. Тем не менее император чудом спасся, избежал смерти и намерен встречать траурную процессию с собственным гробом в тридцати верстах от Москвы.

Намерение рискованное: могут узнать, вскрикнуть от мистического ужаса, прикрыв ладонью рот (двойник!), отшатнуться. Но непреодолимо тянет взглянуть на себя *умершего.* Тянет, словно убийцу – на место совершенного преступления. Ведь Александр тоже, считай, себя убил – себя прежнего, мятущегося, сомневающегося, мучимого чувством раскаяния: не совершил, не смог, не решился. Вот и прячется

теперь в толпе, воротник поднят, шапка надвинута на глаза.

Таким его рисует народная молва, и молве этой, повторяю, почти двести лет. Двести лет – это, конечно, важная хронологическая веха, но все же суть в ином, хотя до этой ускользающей сути надо еще добраться.

Комедия с подставным лицом

Прежде всего откажемся от понятия *легенда*: сейчас оно уводит нас в сторону. «Знаете ли, есть такая красивая легенда об императоре и сибирском старце – будто это одно и то же лицо». – «Скажите пожалуйста, как интересно. Впрочем, легенда на то и легенда, что это не быль. Никто не обязан в нее верить». Такой разговор мог состояться и сейчас, и сто лет назад, и, возможно, еще состоится в будущем.

Легенда, тем более красивая, и впрямь ни к чему не обязывает. Она принадлежит прошлому, но прошлому неопределенному, зыбкому, туманному, не отлитому в четкие, выпуклые, рельефные исторические формы. Для нее вовсе не обязательно фиксировать временной момент, как зафиксировал я год, месяц и даже день: не просто 2019 год, и не просто март, а именно 21 марта 2019 года.

Что же показывает сия дата, выбранная, казалось бы, совершенно случайно, что называется, наобум? Это станет ясно, если мы заменим понятие *легенда* на понятие *гипотеза*. Тут уже никакой случайности нет. Перед нами пусть и не до конца четкие, но все же явные исторические формы.

Как известно, в научном мире гипотезы обсуждаются, доказываются и опровергаются. Они – часть познавательного процесса. Они живут во времени и либо сами становятся историей, либо открывают новые горизонты грядущего.

Сколько написано книг об Александре и старце! Автор каждой из них, по сути, отказывался от легенды во имя гипотезы. При этом он, естественно, начинал свой труд во временном потоке – континууме, с определенной даты, иными словами, сразу включался во временной процесс осознания гипотезы, чрезвычайно важной для России и ее исторических судеб – иначе зачем бумагу тратить и книги писать.

Ведь писали и пишут, причем крупнейшие ученые, выдающиеся умы, детально, скрупулезно анализируют все обстоятельства ухода императора. Проводят исследования, графологические экспертизы, устраивают научные конференции на тему «Александр I – старец Федор Кузьмич», обсуждают вопрос о вскрытии могилы императора в соборе Петропавловской крепости. Эта работа, неутомимая познавательная деятельность, не прекращается. Одна волна улеглась, затихла, и тотчас поднимается новая волна.

Казалось бы, похоронить ее, эту гипотезу, и забыть, как мечтают скептики. Или, скажем, назвать появление Федора Кузьмича в Сибири «операцией прикрытия», попытаться убедить читающую публику, что Романовы разыгрывали комедию с подставным лицом – неким сибирским старцем, похожим на Александра I и выдающим себя за него, пока сам он доживает свой век за границей, где-нибудь на юге Франции или в Швейцарии. Лечится на водах, принимает грязевые ванны, гуляет, на всякий случай прикрывая ладонью лицо при встрече с соотечественниками, вкусно ест и сладко

спит.

Допустим, мы приняли эту версию. Что же получается? Сам император инсценировал свою смерть в Таганроге, и это было драмой, если угодно, трагедией, которая затем повторилась как фарс (по известному афоризму), как буффонада, фиглярство, дешевый водевиль (к этому мы еще вернемся). Так?! Это при том, что Феодор Козьмич не просто благородного происхождения (это отмечается всеми его видевшими), а с понятиями чести и долга, причислен к лику святых! Его святость признана и засвидетельствована, а тут… гм… подставное лицо?! Нет, ни похоронить гипотезу, ни выдать святого старца за фигляра и лицедея скептикам явно не удается.

Вот и дата 21 марта 2019 года призывает меня отметить как факт, что поднялась новая волна интереса к таинственной и сокровенной загадке русской истории (на этой волне я и вернулся к уже законченной книге). Поднялась, прежде всего, в связи с находкой месяцеслова, писанного рукой Федора Кузьмича, и сличения его с письмами императора: почерки идентичны. Об этом свидетельствовали и прежние экспертизы, проведенные как в России, так и за ее пределами (в частности, в Японии), что не оставляет никаких сомнений, разве что у тех, чье призвание во всем сомневаться. Не надо быть экспертом, чтобы убедиться: по всем характерным признакам писала одна и та же рука. Возрастные изменения? Да, кое-где заметны, но почерк тот же – почерк Александра I, воскресшего (из мнимоумерших) под именем старца Феодо-

ра Козьмича.

Неразгаданный сфинкс

Что ж, точка поставлена? Гипотеза стала истиной? Можно торжествовать, праздновать победу? Нет, с торжествами повременим, не стоит спешить расставаться с гипотезой. Расставаться в обмен на истину – не стоит, поскольку обмен может обернуться подменой.

Возможно, мне возразят (и возразят из самых лучших побуждений): «Как-то шибко мудрено. Да что еще нужно-то? Ведь все доказательства налицо. Что там еще доказывать? Вскрыть усыпальницу императора в Петропавловском соборе? Провести генетическую экспертизу?»

Вскрывать усыпальницу – кощунство, и неизвестно, как оно отзовется, как скажется на судьбе России. Филистимляне захватили Ковчег Завета, святыню израильтян, и сочли за лучшее вернуть его обратно, чтобы отвести от себя всякие беды, постигшие их кары небесные. Умершие фараоны египетские мстили тем, кто посягал на их гробницы. «Ну, это даже не гипотеза, а самая настоящая легенда, если вообще не выдумка досужих беллетристов». Возможно, но в нашем сознании запечатлено, что нельзя безнаказанно тревожить прах умершего. Это чем-нибудь да откликнется, и вообще нехорошо – против совести.

Генетическая экспертиза? Она, на мой взгляд, не многим лучше. Допустим, мы ее провели и установили на генети-

ческом уровне, что старец Федор Кузьмич – это император Александр I. Сенсацию подхватят, раздуют, растрезвонят газеты, телевидение, Интернет, новостные ленты информационных агентств. Что нам после этого – принимать поздравления? Радоваться тому, что скептики посрамлены и вынуждены признать нашу правоту?

Да в том-то и дело, что за нами именно правота, а не истина. Вместо истины мы обрели медицинский факт. Сам по себе важный, конечно, но чем-то удручающий, разочаровывающий, до слез обидный. Стоило ли не спать ночами, беспрестанно вдумываться, вникать, сопоставлять мельчайшие детали, взвешивать все обстоятельства, вновь и вновь анализировать? Да и вообще, стоило ли писать книги, если все решается росчерком пера эксперта, его подписью под заключением: «Из этого следует неопровержимый вывод, что император и старец – одно и то же лицо».

Авторам же книг после этого следует расписаться в своей полнейшей ненужности, а книги же их снести в макулатуру. К тому же установленная с ее помощью истина опасна тем, что вслед за ней приходит профанация, опошление, вульгаризация. Этак каждый школьник, выходя к доске, будет бойко рапортовать, что император Александр не умер в Таганроге, а стал Феодором Козьмичом. Этот факт попадет в учебники истории. Студенты перед экзаменом будут строчить шпаргалки (впрочем, сейчас уже не строчат, а вбивают в мобильники) о мнимой смерти императора.

Наверное, в конечном итоге всего этого не избежать, и тут ничего не поделаешь. Такова закономерность: пойманная и пронизанная иглой бабочка узором своих крыльев украшает гербарий, но гипотеза дает ей отсрочку: пусть еще вольно порхает над залитой солнцем поляной.

Истина как медицинский факт способна удовлетворить лишь низшие запросы сознания. Лев Толстой, простудившись в дороге, умер на железнодорожной станции Астапово от воспаления легких. Таково заключение врачей, но разве оно хоть что-нибудь говорит нам о духовной драме Толстого, о его поисках веры, художественных прозрениях, критике тогдашней цивилизации, осознании безумия жизни?

Точно так же и генетическая, и любая другая экспертиза ничего нам не скажет о духовной драме Александра I, которого не зря назвали «сфинксом, не разгаданным до гроба» (Вяземский). Как же его разгадать? Когда Льва Толстого спрашивали, в чем смысл «Анны Карениной», он отвечал: чтобы ответить на этот вопрос, ему надо заново написать весь роман. Вот так же и с Александром: чтобы ответить, в чем же его разгадка, следует терпеливо и скрупулезно воссоздать всю его жизнь. Воссоздать в сцеплении самых разных обстоятельств – и крупных (таких, как невольное участие в заговоре против родного отца, императора Павла), и мельчайших: любимых словечек, случайно оброненных фраз. Из этого прихотливого сцепления вывести единственно верный и достойный ответ на вопрос: умер или инсценировал соб-

ственную смерть и ушел?

Только таким образом добытый – обретенный – ответ будет иметь значимость и надлежащую цену. Все остальное – результаты вскрытий, врачебные освидетельствования и экспертизы – это уже вторичное, прикладное, гораздо менее важное и лишенное пафоса, пафоса возвышенной гуманитарной мысли, исторической правды, человеческого проникновения и понимания.

Вот машина подсчитала… что же, честь ей и хвала, этой машине. Но все-таки главное, *что* человек, исследователь, ученый-историк, энтузиаст своей науки, путем напряженных раздумий, сомнений, догадок понял и постиг. Что бы ни показала машина, какие бы циферки ни выбросила на табло, загадка сфинкса откроется только ему – человеку, носителю русского соборного исторического мышления.

Шишка под носом у алжирского дея

Вот и настало время сказать и о нем – о соборном историческом мышлении. Собственно, это не только историки, а, возьмем шире, все образованное общество, неравнодушное к историческим судьбам России, не чуждое некоему мессианству, верящее, что Россия – Третий Рим, и даже имеющее смелость считать себя патриотами, хотя это слово у нас изрядно ославлено и поругано. Стало признаком хорошего тона высмеивать патриотизм как религию фельдфебелей или что-то в этом роде.

Ну да бог с ними, патриотами, а то мы этак далеко уйдем. Поприщин у Гоголя утверждает, что женщина любит лишь одного черта. Невольно возникает подозрение, что эта мысль не раз приходила в голову и самому Гоголю: он ее в себе вынашивал, лелеял, а потом взял и приписал вымышленному герою повести «Записки сумасшедшего». Так что же – и Гоголь сумасшедший? Это его собственный нос разъезжал в карете по Петербургу, более того, с выражением величайшей набожности молился в Казанском соборе? Так же и с патриотизмом… Не надо всех в фельдфебели. Тут все очень сложно, неоднозначно, со своей прихотливой диалектикой.

Вон Алексей Федорович Лосев уж какой был патриот, а в идее «Москва – Третий Рим» под конец жизни разочаровался и даже с горечью сетовал, что Третий Рим – это рюмка

водки и хвост селедки. Иными словами, «у алжирского дея под самым носом шишка». Вот вам и патриотизм – во всяком случае, лосевский (и – гоголевский).

А можно и так повернуть (по-розановски): «Папироска после купания, малина с молоком, малосольный огурец в конце июня, да чтоб сбоку прилипла ниточка укропа (не надо снимать) – вот мое "17 октября". В этом смысле я "октябрист"» («Опавшие листья»). Октябрист, а какая лирика…

Однако вернемся к соборному историческому мышлению. У него, разумеется, есть устоявшиеся символы, ключевые фигуры – Дмитрий Донской, Кутузов, Багратион, Барклай-де-Толли. Есть свои не подвергаемые сомнению факты, которые могут и в то же время не могут быть оспорены, поскольку принадлежность соборному мышлению выводит их за пределы любой интеллектуальной полемики и самых утонченных дискуссий.

К примеру, все раз и навсегда – соборно – сошлись во мнении, признали за истину, что на Бородинском поле русские победили французов. Французы могут с этим не соглашаться, отстаивая правоту собственного соборного мнения, но это ничего не значит, поскольку собор на то и собор, что совершенно не приемлет иных взглядов.

Таких примеров множество (Россия на все богата примерами). Именно соборность русского исторического мышления не позволяет переписывать историю и исключает всякую полемику, хотя сами историки могут сколько угодно со ста-

ромодной учтивостью спорить, соглашаться, не соглашаться и в самых изящных выражениях опровергать друг друга.

Так что же Александр I и старец Федор Кузьмич? Тождественность этих фигур еще не стала фактом нашего соборного мышления, не утвердилась в нем как непреложная истина, не обрела для себя соборного большинства. Собственно, что происходит, чему нам приходится быть свидетелями? Одиночки (о встречах с некоторыми из них я еще расскажу) давно уже для себя всё решили. Их взгляды полностью сложились, обрели свою фактическую основу, систематизировались. Им не надо ничего доказывать, они и так всё знают.

Большинство из них – энтузиасты-краеведы, библиотечные завсегдатаи, архивные сидельцы, но среди них есть и историки, университетские умы, хранители Эрмитажей и Русских музеев. Эти ведут себя осторожно и, по существу, остаются непризнанными одиночками, поскольку не рассчитывают на понимание в своей среде. Коллеги-историки, как правило, не поддерживают их, используя против них один-единственный аргумент – посвященные императору пушкинские строки:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

«Вот вам портрет Александра, – утверждают они. – Не мо-

жет такой человек стать сибирским старцем». Не может – и всё! Личная же драма императора, кровоточащие душевные раны, таинственное сцепление в его жизни самых разных обстоятельств, мистицизм Александра их совершенно не интересует. Вообще им недоступна духовная составляющая русской истории. Они продолжают долбить свое о социальных процессах, политических программах, движущих силах и проч., проч.

Наконец, помимо одиночек, есть образованное общество, читающая публика, да и простые люди, убежденные, что старец – это император, и их становится все больше и больше. Но все-таки для подлинной соборности этого мало. Соборное сознание того великого факта, что высшая власть у нас в истории поднималась до святости, еще только формируется, а посему его влияние на нашу жизнь невелико.

Драма и судьба

Но тем яснее задача одиночек и энтузиастов, и моя собственная задача как автора книги (поскольку я принадлежу к их числу), по мере сил служить зарождающемуся соборному осмыслению Драмы и Судьбы Александра Благословенного. Я не ставлю себе целью вновь и вновь что-то доказывать, вербовать сторонников, разить своими доводами противников, предавать анафеме упрямых и несогласных. Нет, я стараюсь именно воссоздать Драму и Судьбу.

К тому же я не штатный историк по должности и званию, а свободный эссеист, созерцатель исторических реалий, связанных с Александром мест, пространственных знаков, указывающих на мистическую тайну русского императора. Я если и не его современник, то *сопространственник*, и по Петербургу, и по Сибири, и по Европе. Я шел за ним след в след, все объездил, везде побывал. Ведь время стирает эти знаки, уничтожает вещественные реалии, меняет до неузнаваемости места. Снесли, разрушили, раскатали по бревнышкам, сколько таких печальных примеров в нашей богоспасаемой России, поэтому надо сохранить, запечатлеть, хотя бы в слове, то, что перестает быть предметной реальностью.

На календаре 21 марта 2019 года. Надо спешить, надо успеть.

Часть первая

Глава первая. Уход и самозванство

Не умер, а ушел…

За этими словами скрывается не только одна из самых таинственных, влекущих и завораживающих загадок русской истории – загадка смерти императора Александра I, но и прообраз многих духовных драм, воплощенных как в отечественной классике (достаточно вспомнить «Живой труп»), так и в судьбе ее творцов – от Толстого до Гоголя. Ведь и Толстой перед смертью если и не ушел, то, во всяком случае, предпринял отчаянную попытку уйти, вырваться из тисков привычной жизни, окружавшей его обстановки барского дома. Простудившись в поезде на сквозняке, он слег и уже не поднялся со своего ложа в доме начальника железнодорожной станции Астапово. Поразительная смерть, поразительная настолько, что и не скажешь, чего в ней больше – духовного величия, героического порыва русского Самсона, разрывающего путы, извечного толстовского анархизма, ниспровержения всех и вся или старческой немощи. На сквозняке простудился! Он-то, великан, Самсон, русский гений, не побоявшийся бросить вызов обществу, устоявшимся мнениям, высшему свету, церкви, царскому двору. Вот и

Скрябин, творец «Мистерии» на конец света, умер от пореза во время бритья! Страшно волновался, переживал – все-таки уход, разрыв с семьей! – и не заметил, как продуло. Ему бы получше закутаться, застегнуться на все пуговицы, но какое там!.. мысли, мысли: вот и не заметил. До этого в таком же лихорадочном волнении он встал, собрался, стараясь, чтобы не услышала Софья Андреевна (не дай бог скрипнуть половицей, что-нибудь уронить, разбить!), оставил для нее письмо и в пять часов утра вместе с секретарем Душаном Маковицким покинул Ясную Поляну. На станции каждый взял по два билета в разные направления: Лев Николаевич боялся, что жена будет преследовать, настигнет, разрыдается, устроит сцену и вернет. Снова зажмет в тиски.

«…Делаю то, что обыкновенно делают старики: уходят из мирской жизни, чтобы жить в уединении и тиши последние дни своей жизни…» – так написал Толстой в письме к жене, переданном ей через дочь Александру Львовну.

Слова эти склоняют к размышлениям. С одной стороны, Толстой имеет в виду уединение и тишь монастыря, поскольку туда направлялся (сначала в Козельск, а затем в Шамордино). Один крестьянин ему до этого сказал: «Ты, отец, в монастырь определись. Тебе мирские дела надо бросить, а душу спасать…» Но, с другой, ему явно вспомнилась в этот момент его любимая Индия, где старики имеют обыкновение, поскольку это предписано дхармой, главным духовным законом, удаляться от мирской жизни в лесные убежища от-

шельников. Среди русских стариков таких найдешь немного: для них это не обыкновение, а личный почин, порыв, дерзновение, а вот в Индии вся жизнь делится на четыре этапа, и третий из них – лесное отшельничество, а четвертый – безымянные скитания с чашей для подаяний. По этому письму чувствуешь, как любовно вынашивал Лев Николаевич мысль об уходе, и так и этак ее поворачивал, опробывал и какие разные варианты перебирал в уме (в том числе и поразивший его уход Александра Добролюбова, поэта, декадента, ставшего безымянным скитальцем, проповедником, канувшего в глубинах России). Конечно, был среди этих образцов и уход Александра, обернувшегося сибирским старцем, ведь недаром написал (начал, но не закончил; почему – вопрос особый) Лев Николаевич повесть «Посмертные записки старца Федора Кузмича». Недаром героя «Живого трупа» назвал не как-нибудь, а – Федором, Федей Протасовым.

Смерть помешала Толстому уйти, властно ответив на его «е.б.ж.» («если буду жив» – обычная приписка): «Нет, не будешь…» Вообще в предшествующие годы смерть не раз стучалась костяшками пальцев в двери семейства Толстых: в 1904 году умер брат Сергей Николаевич; затем в 1906-м дочь Маша, любимица, верный друг и помощник; тяжело заболела Софья Андреевна, которой пришлось делать операцию. Наконец, в доме начальника станции настигла смерть и самого Льва Николаевича. Но можем ли мы представить, что события развивались иначе? Почему же нет! Можем, ведь и

средневековая схоластика позволяла различные, подчас даже самые смелые и рискованные допущения, лишь бы они вдохновляли поиск и работу мысли. Поэтому и нам позволено спросить: а если бы Лев Николаевич не умер в Астапове, его путь из Шамордина на юг не прервался так трагически, а продолжился и он по примеру Александра обернулся бы безымянным старцем где-нибудь в Крыму, на Кавказе, на Дону, на Волге? Молился бы, наставлял, утешал, гладя склонившиеся перед ним головы сухонькой ладошкой… Дух захватывает при мысли о том, какого нравственного величия он мог бы достигнуть, мог бы потрясти и Россию, и Европу, и весь мир своим духовным подвигом.

Об этом писали, и, может быть, убедительнее всех, не философы, не литературоведы, а человек, на которого в академических кругах как-то не принято ссылаться, слишком уж он странную, необычную написал книгу – «Розу Мира». Ее автор, поэт, философ, мистик Даниил Андреев как никто умел видеть духовный смысл, прозревать метафизические глубины и в жизни, и в творчестве русских писателей: «И действительно: если бы он не заблудился среди нагромождений своего рассудка, если бы ушел из дому лет на 20 раньше, сперва в уединение, а потом – с устной проповедью в народ, совершенно буквально странствуя по дорогам России и говоря простым людям простыми словами о России Небесной, о высших мирах Шаданакара (совокупность разноматериальных слоев нашей планеты. – *Л.Б.*), о верховной Правде

и универсальной любви, – эта проповедь прогремела бы на весь мир, этот воплощенный образ Пророка засиял бы на рубеже XX века надо всей Европой, надо всем человечеством, и невозможно измерить, какое возвышающее и очищающее влияние оказал бы он на миллионы и миллионы сердец».

Все это так, но не случайно в перечне Даниила Андреева возможных тем проповедей Толстого отсутствует Христос: как раз Христа он и не мог бы нести в народ, поскольку перекроил Его по собственным меркам. Всякий раз, как он начинал бы проповедовать, выходил бы у него не Христос, а все тот же Лев Николаевич с его морализмом, нечуткостью к мистическому, запредельному, сверхразумному. Все это он в Христе отбросил, и получился Христос «от мира сего», удивительно совпадающий и с арианским (Арий учил тому, что Сын как человек меньше Отца как Бога), и с ренановским, и с булгаковским («Мастер и Маргарита»). Собственно, Толстой в своем подходе к евангелиям отразил доникейское понимание Христа и, с другой стороны, просветительское, рационалистическое, позитивистское. В сущности, он был одним из русских протестантов, недаром его «Отец Сергий» заставляет вспомнить неудавшийся монастырский опыт Лютера. Христос же, открывающийся в молитвенном опыте, мистическом взлете и парении души, в уединенных восторгах, видениях и экстазах, остался ему чужд, даже враждебен. Не случайно Лев Николаевич признавался, что размышления о Христе, Церкви, евангелиях доставляют ему умствен-

ное наслаждение (можно добавить, и сознание своего превосходства над мнениями других).

В этом весь Толстой с его жаждой смирения, опрощения (носил простую блузу, не ел мяса, босой ходил за сохой), обостренной совестливостью, тайной интеллектуальной гордыней и нераскрытостью духовных даров. Собственно, вопрос этот в литературе о Толстом впервые ясно и отчетливо поставил Даниил Андреев, поэтому за неимением других источников мы вновь обратимся к нему: «Трагедия Толстого заключается не в том, что он ушел от художественной литературы, а в том, что дары, необходимые для создания из собственной жизни величавого образца, который превышал бы значительность его художественных творений, – дары, необходимые для пророческого служения, – остались в нем нераскрытыми. Духовные очи не разомкнулись, и миров горних он не узрел. Духовный слух не отверзся, и мировой гармонии он не услышал. Глубинная память не пробудилась, и виденного его душою в иных слоях или в других воплощениях он не вспомнил». И далее вывод: «Его проповеди кажутся безблагодатными потому, что рождены они только совестью и опираются только на логику, а духовного знания, нужного для пророчества, в них нет».

Таким образом, и в уходе императора Александра Толстой многого не распознал, не постиг тайну преображения царя в святого. В его изображении Федор Кузьмич, собственно, и не святой, не старец, наделенный благодатной силой, а ста-

рик со всеми человеческими слабостями и сомнениями. Старик, который не может побороть «антипатии, отвращения» к неприятным людям (особенно к досаждавшему ему своими визитами Никанору Ивановичу и… Людовику XVIII) и совсем по-толстовски оценивает прожитую жизнь, отношения с женой и проч. Но при этом в уходе Александра Толстой, может быть, уловил то, что легло в основу его собственного учения о непротивлении злу насилием. Ведь Александр во многом ушел из-за того, что не захотел брать на себя роль самодержца, которую взял затем Николай (к этой мысли мы еще вернемся), не захотел подавлять ропот и бунт… Во всяком случае, получив очередной донос о деятельности тайных обществ, будущих декабристов, он заключил: «Не мне их карать». Не воспротивился злу насилием – вполне по-толстовски…

Александровский уход задолго до Толстого по-своему воплотил Гоголь в обращении последних лет. Он, как и Толстой, не был благодатным проповедником, и его попытки наставить на путь истинный друзей, даже старших по возрасту, убеленных сединами отцов семейств, менторский тон поучающего часто вызывали у них справедливое недоумение, а то и бурное негодование и возмущение. Но ведь при этом Гоголь написал «Выбранные места», проникновенно воспев православие, овевающее своей теплотой весь строй русской жизни. И не только «Выбранные места», но и «Размышления о Божественной литургии», свидетельствующие о стремле-

нии выразить церковное понимание символики и мистики главного православного таинства. Гоголь не только был, вернее, страстно желал быть церковным человеком (вечное напоминание об этом – храм в Москве на Поварской, где он молился), но усвоил, пусть несколько лихорадочно, судорожно, надрывно, по-интеллигентски, многие составляющие православной аскетики: совершил благочестивое паломничество ко Гробу Господню и постился со всей суровостью автодидакта. Он только от Пушкина не мог отречься, как требовал от него духовник Матфий, воплощение николаевской эпохи, Гоголь же в лице Пушкина сохранял верность александровской, не подозревая, что именно Александр, а не Матфий мог бы стать его вожатым на духовном пути. Но в 1825 году Гоголь был слишком юн, да и далек от Петербурга, чтобы попытаться распознать то, что скрывалось за официальным известием о смерти императора…

Для Чехова уходом было паломничество на Сахалин, каторжный остров, через Урал, через Сибирь, по тряским дорогам, в лодке, заливаемой водой. Для Даниила Андреева – десятилетие, проведенное в заточении, сталинском застенке, во Владимирской тюрьме, где и была создана «Роза Мира». Наконец, сам Пушкин… Впрочем, отношение Пушкина к императору Александру и императрице Елизавете Алексеевне, осмысление им возможного ухода – тема самостоятельная, сложная, требующая особого внимания и отдельного рассмотрения, и мы ее прибережем на будущее.

Пока вернемся к тому, с чего начали. Итак, не умер, а ушел: что еще здесь заставляет задуматься? Если бы просто ушел в монастырь, как Карл V, или сложил с себя имперские полномочия, как римлянин Цинциннат, это при всей значимости, даже величественности, героичности такого поступка было бы в порядке вещей, укладывалось бы в некие рамки, соответствовало бы этикетным нормам эпохи. Но ведь Александр ушел, а не умер; он инсценировал, разыграл собственную смерть, выдал себя за умершего, положенного в гроб вместо него. Это же нарушение этикета, переиначивание, выворачивание наизнанку всякого порядка, выламывание из всех рамок, заставляющее искать дополнительные смысловые определения. Уход и что-то еще? Давайте задумаемся, поищем. Пожалуй, лишь самозванство в такой же степени укоренено в подпочве национального сознания и столь же причудливыми всплесками вырывается наружу. Но присвоение чужого имени, разыгрываемое как исторический фарс и осуществляемое как политическая авантюра, казалось бы, лишено того внутреннего измерения, которое и делает уход в безымянность актом возвышенной духовной драмы. И все же, все же… Без самозванства не распознать в русской душе чего-то глубинного, нутряного, изначального, некоей утаенной, подспудно бродящей, бушующей в ней стихии. Это чувствовал еще Пушкин: недаром его так интересуют и самозванцы (Пугачев – Петр III), и добровольно оставившие трон («Анджело», «Родрик»).

Гришка Отрепьев, будущий Лжедмитрий, голью перекатной бражничал по кабакам, пил беспробудно, шатаясь и держась за стены, ходил меж столов, но иногда, в минуты просветления, с проникновенной задумчивостью повторял, глядя в никуда: «А я, пожалуй, и царем на Руси стану». Что самое-то поразительное – стал, хотя и подставным, самозваным, но стал, и, как пишет о нем Ключевский, старался царское достоинство не уронить, блюсти, быть царем хорошим, скромным и справедливым и много доброго сделал. Вот она, душа самозванца, – нет, не потемки: есть в ней какой-то неверный, зыбкий, мерцающий, отраженный свет, похожий на небо в глубоком колодце! Значит, верил в свою избранность, предназначенность или, скажем так, чуял в себе того, от чьего имени выступал, чуял таким, каким его создавала народная молва, связывавшая с убиенным царевичем свои заветные чаяния. По-своему он сострадал убиенному царевичу и, словно кропя живой водой, воскрешал его в себе, давал проявиться, жертвовал себя его воскресению.

Поэтому лишено и в то же время не лишено русское самозванство того же внутреннего измерения, что и уход. Вдумаемся: Григорий Отрепьев стал царем самозваным, а Александр I – царем самоотреченным, как его называли в народе. Между самозванством, самоотречением и уходом есть некое промежуточное звено – юродство. Сколько их было, юродивых, или похабов, на Руси! Истинное, благодатное юродство – юродство по призванию, юродство, взятое на себя как выс-

ший духовный подвиг ближе к уходу, а внешнее, театрализованное, самочинное, безблагодатное – к самозванству. Нечто юродское угадывается и в Толстом, и в Гоголе, но не в Пушкине, хотя в «Борисе Годунове» самый близкий ему персонаж – Юродивый, и отождествляет он себя именно с ним: «Хоть она (трагедия "Борис Годунов". – *Л.Б.*) и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!»

По этим трем этапам и странствует извечно русская душа. Приглядись пристальнее, и увидишь: русский человек, кто бы он ни был – полководец (Суворов петухом кричал), вельможа (екатерининские вельможи почти сплошь то ли чудаки, то ли юроды), художник (такой как Иванов), писатель, уходит, – юродствует и самозванствует.

Без этого нам не постигнуть до конца того, что император, обитатель Зимнего дворца с зеркалами и навощенным паркетом, принимавший знаки поклонения, круживший головы светским красавицам, очаровывавший всех на балах, появился в Сибири как старец в простой деревенской рубахе и старой, вылинявшей дохе.

Глава вторая. Имена

Старца этого звали… просто Федором Кузьмичом, особенно в народе, среди арестантов и ссыльных, окружавших его, и он против такого обращения ничего не имел, не возражал, даже отрадно ему было затеряться среди множества других Федоров, слиться с ними. И все-таки подлинное его имя – Феодор, Феодор Козьмич, выбрано оно не случайно и означало для Александра очень многое. Прежде всего, это было его новое, духовное имя, соответствовавшее тому грандиозному перелому, который совершился в душе. Когда его бабка Екатерина II нарекала его Александром в честь благоверного князя Александра Невского, метила-то она дальше, в Александра Великого, чью судьбу прочила своему царственному внуку – судьбу завоевателя, зиждителя мировой державы, какой под его императорской дланью должна стать Россия. Вот она и пишет барону Гриму, своему постоянному корреспонденту: «Этот святой был человек с качествами героическими. Он отличался мужеством, настойчивостью и ловкостью, что возвышало его над современными ему удельными, как и он, князьями. Татары уважали его. Новгородская республика подчинялась ему, ценя его доблести. Он отлично колотил шведов, и слава его была так велика, что его почтили саном великого князя».

Эта судьба сбылась, осуществилась на его жизненном по-

прище: присоединил к России Финляндию и прочие земли, победил Наполеона и вошел в Париж как спаситель Франции и Европы. Таким образом, свое первое имя он, если можно так выразиться, отработал сполна. Правда, крепостного права так и не отменил и конституцию России не даровал, но это уж пусть другие, более успешные, преуспевающие и удачливые. Для него же наступил черед иных, духовных, деяний и свершений, предначертанных еще двумя именами Александра, его своеобразными отсветами. В кругу близких к нему людей Александра столь часто называли ангелом, что это превратилось в имя, которое мы вправе написать с прописной буквы, – Ангел. Этот Ангел возник затем на Александровской колонне, причем не случайно ему было придано портретное сходство с Александром. Ангел с крестом, на который он указует как на символ своего крестного пути.

Наконец, третье имя – Благословенный: этот почетный титул Александр получил после побед над Наполеоном как признание его заслуг перед отечеством и народом. Получил вопреки своей воле и желанию: все свои заслуги он склонен приписывать Богу, но этот титул настолько отвечал его внутренней сущности, что тоже стал для него именем. Таким образом, угадывается предначертание, запечатленное в этих трех именах: Александр, благословенный на то, чтобы стать ангелом на земле, то есть монахом, поскольку монашеское служение в православии приравнивается к ангельскому, оно от века ангельского чина.

Теперь имя Александр как императорское имя должно исчезнуть, и оно действительно исчезает в простонародном имени Федор: сколько этих Федоров на Руси! В каждом городе, в каждой деревне, на каждом постоялом дворе – Федор, Федя, Федька… Но в то же время, исчезнув, оно должно преобразиться, как преображается и сам Александр на новом жизненном этапе. Собственно, и библейский Аврам («Отец высей») стал Авраамом («Отцом множеств») после призвания его Богом. При монашеском постриге, как известно, давалось новое имя, поэтому Федор превращается в Феодора: Александр выбирает имя, в котором, словно тайный водяной знак, проступает, просвечивает латинское «Тео» («Фео») – «Бог», и означает оно «Дар Божий».

Но в этом имени угадывается и другой знак, указывающий на принадлежность Феодора Козьмича царскому дому Романовых. Известно, что имена Александра и Феодора носили основатели дома Романовых, дядя и отец Михаила I Феодоровича, а Федоровская икона Божией Матери была фамильной святыней рода. Поэтому для Александра I было вполне естественно стать Феодором: это имя ему не чуждо, и выбор не случаен. Исследователи указывают на дополнительную мотивировку выбора, оправданную в том случае, если духовным наставником, благословившим Александра на старчество, был митрополит Филарет: «…в славном 1812 году архимандрит Филарет, одновременно с утверждением в должности ректора Санкт-Петербургской духовной акаде-

мии, был назначен настоятелем первоклассного Новгородского Юрьевского монастыря». Того самого, что позже получит в управление архимандрит Фотий. Именно в Софийском соборе Новгорода покоились мощи святого князя Феодора – старшего брата святого Александра Невского; в «Словаре историческом о святых, прославленных в Российской Церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых», изданном в 1836 году (год красноуфимского ареста Феодора Козьмича) и тогда же положительно отрецензированном Пушкиным, читаем: «Сей юный князь (по словам летописи), цветущий красотою, готовился вступить в брак, но внезапная смерть прекратила дни его».

А почему Козьмич? Рискну предположить, что такое отчество старец Феодор выбрал себе потому, что это было монашеское имя князя Дмитрия Пожарского, возглавившего ополчение против поляков, – Козьма. О судьбе князя, перед смертью принявшего монашеский постриг, Александр не мог не думать в феврале 1818 года, открывая памятник Минину и Пожарскому на Красной площади и глядя на его каменное изваяние, припорошенное снежной метелью. Вот старец Феодор и взял его в духовные отцы, тем самым указуя на то, что и сам шел тем же путем: из князей (до принятия императорского сана он был великим князем) – в монахи.

Императрица Елизавета Алексеевна, по официальной версии, скончалась в мае 1826 года, возвращаясь из Таганрога в столицу. Мнимая смерть застигла ее в маленьком про-

винциальном городке Белеве, где на самом деле она не умерла, а сложила с себя сан императрицы и удалилась в иночество. Так они решили меж собой, Александр и Елизавета: он уйдет первым, а она – следом (поэтому и не сопровождала тело умершего в Петербург). Когда-то в их честь слагали хвалебные гимны: «Александр и Елизавета, восхищаете вы нас!» При этом и хулили, и порицали, и интриговали против них, и вот они оба шагнули туда, где ни восхищения, ни порицания, ни хулы, – в затвор, десятилетнее молчание.

Через десять лет она вышла из затвора, была арестована, помещена в тюрьму, затем в больницу для душевнобольных и, наконец, в Сырковский монастырь под Новгородом. В свое время императрица Мария Федоровна за ее кротость и терпение дала ей прозвище Ее Величество Молчание, а свой монастырский подвиг она совершала под именем Веры Молчальницы; на первом допросе у следователя назвала себя также Верой Александровной (после чего и замолчала), что тоже о многом говорит. Ее имя можно истолковать так: верящая в Александра, в истинность и святость избранного им пути и выбравшая для себя этот же путь.

Итак, император и императрица отныне – Феодор Козьмич и Вера Молчальница, он – в Сибири, она – в глухом новгородском монастыре, оба проходят узкий путь покаяния, внутреннего преображения, домостроительства души. Да, в личном плане это несомненный подвиг, но как истолковать это в плане историческом и даже историософском? Историк

наверняка скажет: «Ну, положим, это лишь гипотеза. Вот если вскроют могилу Александра в Петропавловской крепости и она окажется пустой, тогда возможно, хотя тоже, знаете ли, не факт, не факт…» Поэтому в последних книгах об Александре гипотеза о Феодоре Козьмиче рассматривается в самом конце, после рассказа о его исторических свершениях. Иногда историк даже может позволить себе написать: «Здесь нет возможности говорить об этой легенде подробно. Существует достаточно исследований, убедительно опровергающих ее. Загадка Александра заключается не в его смерти, а в его жизни». Какой академизм во фразе: «Существует достаточно исследований…» Как жизнеутверждающе это звучит! И хочется добавить: как ходульно! Прочитав такое, невозможно удержаться от возгласа: вот оно, тяжкое наследие советской исторической науки!

Нет, мы не собираемся ее чернить и порочить: в ней было много ценного, и прежде всего непримиримость ко всему буржуазному, гнилостному, жажда социальной справедливости. Оправдав Грозного и возвысив Наполеона (книги Тарле и Манфреда), эта наука не допускала ни малейшего намека на то, что среди ненавистных Романовых могли быть цари, способные на такой нравственный подвиг, как самоотречение, и поднявшиеся до вершин святости. Поэтому какой там Феодор Козьмич! Умер, умер император в Таганроге, и не о чем тут больше говорить! Эта наука рассматривала Александра как стратега, дипломата, придворного, охотно сма-

ковала подробности его любовных похождений, но не пыталась постигнуть в нем собственно царя, помазанника Божьего. Советская наука оказалась бескрылой и нечуткой, прежде всего, к тайне имени, не случайно ею в свое время был выброшен лозунг – история без имен. Мол, имен нет, да и истории как таковой нет – одни общественные закономерности!

Нет, мы хотим, мы жаждем имен и неповторимых судеб. Мы утверждаем вновь и вновь: подобная смена имен императора и императрицы – величайший исторический факт, проливающий новый свет не только на эпоху Александра, но и на русскую историю в целом (при этом мы не отрицаем значения и того факта, что Ульянов стал Лениным, а Джугашвили – Сталиным). Если же рассуждать историософски, то эта смена имен приблизила романовскую Россию (петербургский период) к Святой Руси и Москве как Третьему Риму, высветила в ней эти имена, похожие на тайные водяные знаки, отсветы незримого Китежа…

Первый шаг от петербургской России к Московскому царству Александр сделал в самом начале войны 1812 года, когда, покинув по настоянию своей свиты (ему был оставлен на ночном столике незапечатанный конверт с письмом) боевые позиции, отправился не в Петербург, а в Москву и придал этому посещению символический характер приобщения к московским державным корням, православным святыням, народному духу. Собственно, это был во многом замысел адмирала Шишкова, горячего патриота, поборника отече-

ственной старины (и, добавим, одного из авторов письма на ночном столике), угадавшего в самом воздухе эпохи то, что невольно наводило на мысль: Александру явиться подданным своим не как петербургскому императору, а как московскому царю, царю-батюшке, чаемому народом. Но в Александре и самом уже пробуждалось, зрело то, что привело к перелому во всем его умонастроении, осознанию своего единства с народом в грозный час всеобщей беды, своего долга как православного государя. Невольный трепет вызывает сцена: 11 июля вечером Александр из Перхушкова, последней станции перед Москвой, едет в Первопрестольную, и по всей дороге его встречает народ, мужики и бабы с горящими свечами, тысячи мерцающих в белесых июльских сумерках свечей, и слышится пасхальное: «Да воскреснет Бог и расточатся врази его».

Следующим утром Александр выходит на красное крыльцо Кремля, приложив руку к сердцу, отдает поклон собравшемуся там народу и под ликующий колокольный звон направляется к Успенскому собору, усыпальнице русских царей. Через несколько дней он принимает в Кремле депутацию московского дворянства и купечества, готовых пожертвовать всем ради победы над врагом, дать деньги на армию, собрать и вооружить ополчение.

– Государь! Государь! – вдруг разнеслось по залам, и вся толпа бросилась к выходу.

Так эта сцена описана в «Войне и мире» Толстого.

Вторым шагом к Святой Руси было то, что выражено в позднейшем рассказе Александра о пережитом им потрясении и духовном обращении во время пожара Москвы: «Пожар Москвы осветил мою душу и наполнил мое сердце теплотою веры, какой я не ощущал до сих пор. И тогда я познал Бога». Последние слова как будто на что-то указывают, они произнесены в некоем контексте, без которого остаются не до конца понятыми. В каком же? «…познал Бога» – это явно библейское (после 1812 года Александр не расстается с Библией), соотнесенное со словами Иова, подводящими итог его многострадальному пути: «Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя». Вот и глаза Александра «видят». Его коснулось то «веяние тихого ветра», в котором открывается человеку Бог.

И наконец, третьим, окончательным шагом стал уход…

Задумаемся над таким парадоксом: декабристы, ненавидевшие Романовых и мечтавшие о возрождении власти Рюриковичей, Кондратий Рылеев, устраивавший у себя в доме на Мойке русские завтраки с квашеной капустой, квасом и солеными огурцами, не приблизили Петербург к Москве, Московского царства не обрели. А приблизил и обрел именно Александр Романов, он же сибирский старец Феодор Козьмич.

И говорить об этом надо не в конце, а в начале.

В начале, господа!

Глава третья. Вензель

Неужели он?! Неужели этот статный, осанистый, белобородый старик, появлявшийся иногда на улицах старого Томска, и есть Александр I?! Да, император Александр, который не умер в Таганроге, а, положив вместо себя в гроб другого (может, солдата, умершего в лазарете), ушел неизвестно куда – в скит, в затвор, в схиму, чтобы через двенадцать лет поселиться в Сибири под именем Феодора Козьмича?! Удивительная, право, история! Удивительная, загадочная, непостижимая: прибыть вместе с партией ссыльных из Красноуфимска, где его судили за бродяжничество и приговорили к двадцати ударам плетью (императора-то!), и поселиться сначала в деревне Зерцалы, приписанной к казенному винокуренному заводу; затем у лихого казака Сидорова, построившего для него избушку на заднем дворе; затем неподалеку от села Краснореченского в такой же, чуть больше улья, избушке, выходившей окнами на пасеку крестьянина Латышева; и, наконец, в четырех верстах от Томска, на заимке купца Хромова, чьи работники сколотили для него келью. И так сколотили, хитрецы, что в погребе, под полом, слышалось певучее журчанье: спустись туда по лесенке и зачерпни ковшиком родниковой водички! Ах, хороша, аж зубы ломит!

Сколотили и тем самым уважили старца, любившего чистоту, благолепие и содержавшего свои вещи в строгом по-

рядке. Да и вещей-то всего было: простая скамейка, дощатый стол, кровать с деревянным бруском вместо подушки, складной аналой и икона Почаевской Божией Матери, намоленная святыня.

В этой келье старец проводил лето, а зимой (сибирская зима крута) перебирался в Томск, на Монастырскую улицу, где у него – уж почтенный Семен Феофанович позаботился – был отдельный домик, укрывшийся в саду, за большим, двухэтажным хромовским домом. В нем-то и зимовал таинственный старец, лишь изредка появляясь на улицах Томска, – статный, осанистый, с развевающейся по ветру бородой: неужели Александр Благословенный?! Глянь, Марья, посмотри, Аграфена, обернись, Калистрат, – неужели он?! Победитель Наполеона, изгнавший французов с Русской земли и освободивший Европу от супостата, – неужели?!. Жил во дворцах, едал на серебре и злате, душился сладкими духами, носил мундир с эполетами, а теперь в простой рубахе, подпоясанной ремешком, и старой, вылинявшей дохе бредет по пыльной обочине! Где еще такое увидишь! Ну, чудеса… право же, только ахнуть!

Так перешептывались, дивились и ахали Марья, Аграфена, Калистрат и прочие томские обыватели, когда встречался им Феодор Козьмич, и слухи летели за ним следом, словно змейки степной поземки: Александр… Александр… Однако слухи слухами, но очень уж смахивало на правду, что под именем старца скрывается августейшая особа. Ведь узнал же

его сосланный в Сибирь истопник из царского дворца, который после встречи с Феодором Козьмичом (товарищ его заболел, и он обратился к старцу-целителю за помощью) осенял себя крестным знамением и клялся-божился, что это государь Александр Павлович! Узнал и бывший солдат, помнивший государя еще по тем временам, когда под барабанный бой, оттягивая носок, маршировал на дворцовом плацу (Александр, как и отец его Павел, любил вахтпарады). Узнала и некая чиновница, по слабости женской сомлевшая, упавшая в обморок при звуках знакомого голоса. А главное, сам Феодор Козьмич, уезжая из деревни Зерцалы, оставил там загадочный вензель, изображающий букву «А» с короною над нею и парящим голубком вместо перечерка! Оставил в тамошней часовне, и многие видели этот вензель, нарисованный карандашом и раскрашенный зеленовато-голубой и желтой красками. Видели, дивились, и как было не заподозрить в нем намек на царское происхождение старца: короны над буквами из простого форсу не рисуют! Поэтому и заговорили по всей Сибири, что на заимке купца Хромова поселился император Александр, заговорили в крестьянских избах, купеческих домах и дворянских особняках, в банках и казенных управах, в трактирах и чайных, в рудниках и на золотых приисках. Заговорили, и слухи превратились в молву, а молва со временем стала легендой. Легендой удивительно, русской, поскольку ни в какой иной стране не могло случиться, чтобы император, добровольно отказавшись от вла-

сти, отказался бы и от собственного имени, богатства, привычных условий жизни и, проведя более десяти лет в затворничестве, пройдя суровый путь иноческого послушания, поста и уединенной молитвы, поднялся бы до вершин святости, обрел от Бога многие духовные дары.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.